

Предисловие «ПОЛКИ»

*Роман о хаосе Гражданской войны, где
единственное убежище — семейный дом
с изразцовой печкой. Из опыта жизни в Киеве,
осажденном Петлюрой, Булгаков создает
историю вечных конфликтов — старого и нового,
чести и трусости.*

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О семье Турбиных — Алексее, Елене и Николке — и их знакомых, попавших в водоворот событий Гражданской войны в Украине. События романа развиваются с декабря 1918-го по февраль 1919 года: Город, управляемый гетманом Скоропадским и немецкими военными, штурмует сначала крестьянская армия Симона Петлюры, а затем и большевики. Русские офицеры пытаются защитить покой Города, но бесславно проигрывают, толком не успев выступить. Булгаков, используя собственные воспоминания о Киеве тех лет, пишет роман о непрекращающейся войне без победителя, крушении старого мира и наступлении нового, а также о чудом сохранившемся в этом хаосе историче- ском доме-приюте с «кремовыми шторами» и «лампой под абажуром».

КОГДА ОНА БЫЛА НАПИСАНА?

Основная работа над «Белой гвардией» шла в 1923–1924 годах. Булгаков к этому времени уже несколько лет жил в Москве, в квартире мужа своей сестры, Надежды Земской (позднее это пристанище станет прообразом «нехорошей квартиры» в «Мастере и Маргарите»). Писатель жалуется в дневнике на плохие жилищные условия, безденежье, проблемы со здоровьем, надевшую ему работу в газете «Гудок»^{*1}. Свой первый роман он пишет преимущественно по ночам. Этот процесс то окрыляет его («Сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее

как писатель всех, кого я ни знаю»), то отвергает в уныние («Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование»).

За время создания «Белой гвардии» Булгаков успевает разойтись с первой женой, Татьяной Лаппа, и начать жить с Любовью Белозерской — именно ей он посвящает роман, что вызывает вопросы не только у его первой жены («Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвятит»), но и у его родственников. Так, Надежда Земская писала Елене Булгаковой, третьей жене писателя: «Я сама видела в 1924 году рукопись “Белой гвардии”, на которой стояло: “Посвящается Татьяне Николаевне Булгаковой”... И это было справедливо: она пережила с Мишей все трудные годы его скитаний». Самого Булгакова, судя по дневнику, сомнения мучили не сильно — описывая покупку номера журнала с собственным романом, он заметил: «Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена».

КАК ОНА НАПИСАНА?

На литературном фоне 1920-х «Белая гвардия» может показаться романом очень традиционным, почти старомодным: такое ощущение создают летописные интонации («Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»), многочисленные кивки в сторону русской классики; да и сам жанр исторической хроники и семейного

^{*1} Газета железнодорожников, издающаяся в Москве с 1917 года. В 1920-х годах в ней работали Ильф и Петров, Булгаков, Катаев, Олеша и Зощенко.

Виктор Дени. Плакат «Палачи терзают Украину. Смерть палачам!». 1920 год

романа с пейзажами, ясной фабулой и лирическими отступлениями выглядел для того времени вызывающе несовременным. Валентин Катаев, сослуживец по «Гудку», вспоминал, что устроенное Булгаковым чтение «Белой гвардии» не произвело на него никакого впечатления, роман казался «вторичным, традиционным». Однако вся эта игра в классику в булгаковском романе не вполне всерьез. Почти толстовский по замыслу труд совмещается здесь с фельетоном, высокая трагедия — с комической опереткой. В повествовании используются авангардные приемы, как будто позаимствованные у кинематографа: наплывы, смена ракурсов, резкие монтажные переходы. Классический реализм при ближайшем рассмотрении рассыпается, обнаруживая провалы в мир мистики и фантазмагории.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Булгаков заключил договор на публикацию «Белой гвардии» в сменовеховском журнале «Россия». По договору издатель журнала Захарий Каганский получил преимущественные права на отдельное издание романа. В начале 1925 года в «России» были опубликованы первые 13 глав (около 60% текста), но заключительные главы выйти не успели: издание было закрыто, а Каганский и редактор журнала Исай Лежнёв уехали за границу (первый — добровольно, второго выслали из страны).

В 1927 году 11 первых глав романа (с началом 12-й) без ведома автора вышли отдельной книгой в парижском издательстве Concorde, которое основал в эмиграции тот же Захарий Каганский. Concorde издало только одну книгу, «Белую гвардию», и сразу же закрылось. Почти одновременно в рижском издательстве «Литература» вышло пиратское издание романа: в нем была отредактирована первая часть (например, выкинут сон Алексея Турбина), а конец был дописан кем-то по финалу второй редакции пьесы «Дни Турбиных», которая также находилась в руках Каганского и позднее была им опубликована в переводе на немецкий язык. Если верить открытому письму Каганского, опубликованному в газете «Дни», пьесу он получил от «доверенного лица» Булгакова. Писатель это, впрочем, категорически отрицал, в повести «Тайному другу» он мстительно изобразил Каганского в образе издателя Рвацкого («Скажу Вам, мой нежный друг, за свою страшную жизнь я видел прохвостов. Меня обирали. Но такого негодяя, как этот, я не встречал»).

Булгаковед Мария Мишуровская замечает, что, несмотря на яркий образ проходимца, созданный Булгаковым, Каганский в действительности предпринял «удачную попытку закрепления текстов советского автора в правовом поле Европы через специально для этой цели открытые издательства». Дело в том, что СССР не подписал Бернскую конвенцию по защите авторских прав, поэтому если бы роман и пьеса были опубликованы сначала в СССР, то за границей их могли бы перепечатывать свободно, а первая публикация произведения на территории стран — участниц конвенции гарантировала, что права автора будут защищены.

Заключительные главы «Белой гвардии» вышли отдельным томом в парижском издательстве «Москва» в 1929 году. Для этого издания Булгаков сам переделал концовку, первоначально написанную для журнала «Россия»: в 1925 году он еще полагал, что будет писать трилогию, для парижской же книги ему пришлось изменить финал так, чтобы «Белая гвардия» выглядела законченным произведением. Именно по парижским изданиям до сих пор идут перепечатки романа, а его журнальное окончание обычно приводится отдельно. В СССР в полном виде «Белая гвардия» была напечатана только в 1966 году.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Заметнее всего — произведения Льва Толстого. Это неоднократно признавал сам Булгаков. В письме правительству СССР от 28 марта 1930 года он утверждал, что роман «Белая гвардия» — «изображение

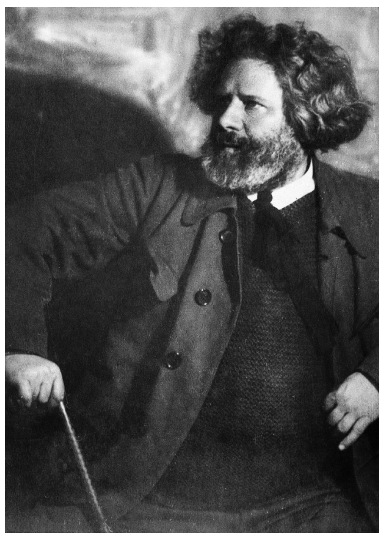
интеллигентско-дворянской семьи... в традициях “Войны и мира”». В 1923 году, когда работа над романом еще шла, Булгаков написал в очерке «Киев-город», что рассказ о Гражданской войне в Украине подвластен только перу нового Толстого: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве».

Корпус повлиявших на Булгакова текстов очень широк: в «Белой гвардии» можно обнаружить отсылки к «Слову о полку Игореве», Пушкину, Гоголю, Сенкевичу, Достоевскому, Чехову, Салтыкову-Щедрину, Куприну и Бунину. Виктор Шкловский, ставший в романе одним из прототипов большевистского шпиона Шполянского, язвительно замечал, что «успех Михаила Булгакова — успех вовремя приведенной цитаты». Однако насыщенность «Белой гвардии» литературными (а также музыкальными, оперными и театральными) аллюзиями очень важна: она обозначает принадлежность героев романа дореволюционной культуре, старому миру, который вот-вот разойдется по швам.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Выход первого булгаковского романа (вернее, его первой части) в январе 1925 года почти никто не заметил. Писатель с иронией отобразил это обстоятельство в повести «Тайному другу»: «Не солгу вам, мой друг, мой роман не только не вышел в количестве шестисот тысяч, но он не вышел

и вовсе. Что касается же тех двух третей романа, что были напечатаны в журнале Рудольфа, то они не были переведены на датский язык, и в Америку с собачкой на яхте я не ездил. Даже более того, он настолько не произвел никакого впечатления, что иногда мне начинало казаться, будто он и вовсе не выходил». На этом фоне особенно важной для Булгакова становится высокая оценка романа Максимилианом Волошиным. В марте 1925 года Волошин написал редактору издательства «Недра» Николаю Ангарскому, что как дебют «Белую гвардию» можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. Булгаков, по свидетельству Ангарского, этот отзыв прочитал, «взял к себе и списал» (он вообще всю жизнь будет аккуратно собирать и хранить все отклики о своих работах). Волошин захотел познакомиться

Максимилиан Волошин. 1920-е годы.
Фотография Моисея Напельбаума.
Волошин одним из первых высоко оценил
«Белую гвардию»

с начинающим писателем, пригласил его погостить к себе в Коктебель и подарил ему свою акварель с подписью «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской уособицы, с глубокой любовью».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Буквально через три недели после выхода «Белой гвардии» в журнале «Россия» Булгаков приступил к работе над пьесой на тот же сюжет. Миновал период многочисленных переработок и политических закулисных схваток, пьеса, получившая название «Дни Турбиных», была поставлена на сцене МХАТа, где с перерывами шла до июня 1941 года — всего прошло около тысячи спектаклей.

Первое полное издание «Белой гвардии» в СССР (хоть и с цензурными купюрами) вышло в 1966 году в издательстве «Художественная литература». Сложная судьба романа вызвала колоссальное количество текстологических разночтений, ощутимо пострадали, в частности, булгаковские украинизмы. Литературовед Лидия Яновская в книге «Записки о Михаиле Булгакове» приводит следующий пример: «Слово “наволочь” (“Ах ты, наволочь! — кричал страшный рыжий дворник, хватая Николку. — Погон скинул, думаешь, сволота, не узнают? Держи!”), чудом уцелевшее в парижском томике, в нем же, в этом парижском томике, сохранившемся в архиве, аккуратно выправлено чернилами (вероятно, рукою Елены Сергеевны Булгаковой) на слово “волочь”. И так и вошло в издание 1966 года, а потом во все издания в последующие двадцать лет».

Ранняя, журнальная редакция окончания романа впервые была напечатана только в 1987 году, в «Новом мире». В 1991-м, в год столетия писателя, внезапно была обнаружена машинопись заключительной главы «Белой гвардии» с правками автора. Коллекционер Игорь Владимиров нашел ее в букинистическом магазине — на обратной стороне машинописи были наклеены вырезки из газетных статей редактора романа Исаяи Лежнёва. Однако, как замечает булгаковед Евгений Яблоков, подлинность этой машинописи никогда не подтверждалась никакими экспертными заключениями.

История семьи Турбиных несколько раз экранизировалась. В 1970 году режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов выпустили двухсерийный фильм «Бег» по мотивам одноименной пьесы Булгакова, куда вошли также эпизоды из «Белой гвардии». Спустя шесть лет в Советском Союзе экранизировали и «Дни Турбиных» — фильм снял актер и режиссер Владимир Басов, в главных ролях снялись Андрей Мягков (Алексей Турбин), Валентина Титова (Елена Турбина), Олег Басилашвили (Тальберг), Василий Лановой (Шервинский), сам Басов сыграл роль Мышлаевского. Еще раз за булгаковскую историю взялись в 2012 году: режиссер Сергей Снежкин снял восьмисерийный сериал, но уже не по «Дням Турбиных», а по «Белой гвардии». В сериале, помимо разнообразных деталей, изменена концовка романа, который в оригинале заканчивается серией многозначительных сновидений героев, — для нового финала режиссер позаимствовал мотивы из булгаковского рассказа «Я убил». В версии Снежкина Алексей Турбин убивает

полковника Козыря-Лешко (из эпизодического персонажа он превратился в главного злодея, приказывающего, помимо прочего, сжечь «москальскую школу») и воссоединяется с Юлией Рейсс с разрешения ее любовника Шполянского (у Булгакова любовная история Турбина никак не разрешается). В 2014 году Государственное агентство Украины по вопросам кино запретило сериал на территории страны: по мнению экспертной комиссии, он «демонстрирует презрение к украинскому языку, народу и государственности».

ДЕЙСТВИЕ РОМАНА ТОЧНО ПРОИСХОДИТ В КИЕВЕ? ПОЧЕМУ БУЛГАКОВ ВМЕСТО «КИЕВА» ПИШЕТ «ГОРОД»?

На первый взгляд, это и правда Киев. Большая часть реальной топонимики сохранилась: например, улицы Владимирская и Крещатик, районы Подол и Взвоз, погребок «Замок Тамары», табачный магазин Соломона Когена и т. д. Но в то же время названия некоторых очевидно важных для романа мест изменены: Турбины живут на Алексеевском спуске (в реальности — Андреевский, где жил и сам писатель); Юлия Рейсс, возлюбленная Алексея Турбина, и семья Най-Турс вместе с Ириной, возлюбленной Николки, живут на Мало-Провальной улице (в реальности — Малоподвальная). Если наложить основные места действия романа на реальную карту Киева, то окажется, что пространство «Белой гвардии» уместается на одном прямом отрезке длиной всего в полтора-два километра с несколькими точками справа и слева.

Заметнее всего реальное пространство Киева искажается в эпизодах бегства Алексея и Николки от петлюровцев. Алексей, смутно соображающий из-за ранения, вслед за своей спасительницей Юлией Рейсс пробегает три больших сада на Мало-Провальной, а затем оказывается «в белом саду, но уже где-то высоко и далеко». Исследователь Мирон Петровский*¹ утверждает, что в реальном Киеве такой маршрут был бы невозможен: лабиринту садов негде разместиться на короткой Малоподвальной улочке, к тому же герой не мог подняться по ней «высоко», поскольку выше проходит широкая Владимирская улица, по которой Алексей бежал от Золотых ворот. Так же фантастически устроена сцена бегства Николки: его маршрут, обозначенный многочисленными псевдонимами реальных улиц, не строится на карте реального Киева. Булгаковские герои, заключает Петровский, «бегут по краю гибели — отчасти здесь, в Городе (Киеве) 14 декабря 1918 года, отчасти — неведомо где, в краях неизвестных, неподвластных нашему пониманию. Киевское пространство, оказывается, имеет прямые выходы в иные миры».

Булгаков берет Киев за основу, но, намеренно избегая исторической достоверности, меняет его, превращает в Город вообще. Это пространство в романе вбирает в себя всевозможные историко-географические аллюзии. Через отсылку к «наполеоновскому мифу» Город, захваченный Петлюрой, напоминает Москву, роль оплота монархии сближает его с Петербургом, находятся параллели с Римом

(петлюровцы — новые варвары), с Иерусалимом, апокалиптические же мотивы романа приравнивают Город к Вавилону¹. «Белая гвардия» в этом смысле не столько описывает конкретную историческую драму — свержение Петлюрой гетмана, сколько воспроизводит глобальный художественный конфликт, противостояние старого мира и нового.

ЕСТЬ ЛИ У ГЕРОЕВ «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» РЕАЛЬНЫЕ ПРОТОТИПЫ?

Практически у всех. Пробразом семьи Турбиных стала собственная семья Булгакова. Турбина — девичья фамилия бабушки писателя по материнской линии, Анфисы Ивановны Покровской. Семья Булгаковых жила на Андреевском спуске, 13 (Турбины — на Алексеевском спуске, 13), теперь там находится литературно-мемориальный музей Булгакова. Правда, в семье писателя было не трое детей, как в романе, — Алексей, Николка и Елена, — а семеро.

Алексей Турбин — герой преимущественно автобиографический. Булгаков тоже был мобилизованным врачом, испытывавшим на себе хаос Гражданской войны на Украине, в очерке «Киев-город» он пишет: «По счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил». Даже внешне

*¹ Мирон Семенович Петровский (1932–2020) — украинский филолог, литературный критик. Автор новаторских работ о советской детской литературе, исследователь и комментатор Маяковского, Чуковского, Булгакова.

Братья и сестры Булгаковы на даче в Буче. 1906 год. В верхнем ряду слева направо: Вера, Миша, Варя, Надя. Во втором ряду: Ваня и Коля. На первом плане — Лена

Алексей очень напоминает самого Булгакова: «Старший Турбин, бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года»^{*1} (см. воспоминания о писателе Валентина Катаева, сослуживца по «Гудку»: «Мы его воспринимали почти как старика», хотя Булгаков был старше Катаева только на шесть лет). Николка Турбин списан с брата Булгакова, Николая, хотя на его образ мог повлиять и другой младший брат — Иван. Елена Турбина больше всего похожа на сестру писателя Варвару (в рассказе «В ночь на третье число», который в переработанном виде вошел в раннюю редакцию «Белой гвардии», героиню прямо зовут Варварой Афанасьевной), но у Булгакова, опять же, было еще три сестры, черты которых могли

отразиться в Елене. Прообразом мужа Елены, Сергея Тальберга, стал муж Варвары Леонид Карум, хотя в реальности он не бежал в Германию и жену не бросал. Карум, оскорбленный образом предателя Тальберга, оставил воспоминания «Моя жизнь. Рассказ без вранья», где по-своему интерпретировал события, отразившиеся в «Белой гвардии». Председатель домового комитета Василисис, «буржуй и несимпатичный», соотносится с Василием Павловичем Листовничим, владельцем дома, в котором Булгаковы снимали квартиру. Правда, реальный Листовничий мало походил на булгаковского карикатурного мещанина — он служил инженером, строил в Киеве здания, был автором нескольких книг. Стараниями исследователей-булгаковедов также

^{*1} Дата Октябрьской революции.

найлены прототипы друзей дома Турбиных: Мышлаевского, Шервинского, Караса, Лариосика.

Особенного внимания заслуживает второплановый, но важный герой «Белой гвардии» — inferнальный шпион Шполянский. Одним из его прототипов был известный литературовед и киновед Виктор Шкловский. Шполянский в романе поступает на службу к гетману в броневой дивизион и устраивает саботаж — подсыпает в бак броневых машин сахар, тем самым выведя их из строя. В романе именно из-за Шполянского «гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы». Такой же эпизод описывается в «Сентиментальном путешествии», воспоминаниях Шкловского: «Я засахаривал гетмановские машины. Делается это так: сахар-песок или кусками бросается в бензиновый бак, где, растворяясь, попадает вместе с бензином в жиклер (тоненькое калиброванное отверстие, через которое горячее вещество идет в смесительную камеру). Сахар, вследствие холода при испарении, застывает и закупоривает отверстие». Шполянский в романе — председатель городского поэтического ордена «Магнитный Триолет»; вполне возможно, что название ордена — ироничная

отсылка к Эльзе Триоле*¹, в которую Шкловский на протяжении долгого времени был безответно влюблен. Еще одна шпилька в адрес литературоведа: Шполянский в свободное время пишет научный труд «Интуитивное у Гоголя». Шкловский «Белую гвардию» читал и признавал себя «одним из дальних персонажей романа». Еще один возможный прототип Шполянского — писатель-сатирик Дон-Аминадо*², настоящее имя которого — Аминад Петрович Шполянский. Во время событий, описанных в «Белой гвардии», Дон-Аминадо находился в Киеве и работал вместе с другими сатириконовцами в газете «Чертова перечница» — у Булгакова эта газета называется «Чертова кукла», в доме Турбиных ее скомканный лист валяется на кресле.

КАК ВООБЩЕ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВЛАСТЬ В КИЕВЕ ОКАЗАЛАСЬ У НЕМЦЕВ?

Формально власть с апреля по декабрь 1918 года находилась в руках у гетмана Скоропадского*³, но фактически Киевом управляли немецкие военные. Турбиным «металлические немцы» кажутся

*¹ Эльза Триоле, до замужества Элла Каган (1896–1970), — писательница и переводчица, младшая сестра Лили Брик. В 22 года вместе с офицером Андре Триоле Каган уезжает из России во Францию — там она начинает писать книги на русском и французском языках, переводить Гоголя, Чехова, Маяковского. В 1928 году Триоле выходит замуж за поэта Луи Арагона, они вступают в коммунистическую партию и вместе неоднократно посещают СССР. Триоле стала первой женщиной, получившей Гонкуровскую премию.

*² Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский; 1988–1957) — адвокат, поэт, писатель-сатирик. В 1918 году, когда все газеты, с которыми Шполянский сотрудничал в Петербурге, закрылись, уехал в Киев. Там публиковался в газете «Чертова перечница», ставшей реинкарнацией журнала «Сатирикон», газетах «Киевская мысль», «Утро» и «Вечер». В 1920 году эмигрировал в Париж, печатался в эмигрантских изданиях, выпускал сборники стихов и фельетонов, стал членом масонской ложи.

*³ Павел Петрович Скоропадский (1873–1945) — военный, политический деятель. Участвовал в Русско-японской войне и Первой мировой. После провозглашения Украинской Народной

единственной защитой от петлюровцев и большевиков, именно благодаря немецким штыкам в Городе все еще сохраняется относительный порядок. Однако уже в начале романа становится понятно, что спокойная жизнь подходит к концу — иностранные войска покидают Город. «Нужно было бы немцам объяснить, что мы им не опасны. Конечно, война нами проиграна! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем всё на свете. У нас — Троцкий. Вот что нужно было сказать немцам: вам нужен сахар, хлеб? — Берите, лопайте, кормите солдат. Подавите, но только помогите», — рассуждает Алексей Турбин, три года прослуживший врачом на фронтах Первой мировой. Один из парадоксов Гражданской войны — гарантом мира становится армия, с которой всего лишь год назад шли кровопролитные бои.

Украина вышла из Первой мировой войны почти одновременно с Россией: Украинская Народная Республика (государство, провозглашенное сразу после Октябрьской революции) подписала мир с австро-германским блоком в конце января 1918 года. За миром последовало новое военное соглашение: немцы пообещали помочь украинцам оттеснить большевиков с их территории в обмен на поставки продовольствия. При этом идея союза с Австрией и Германией против России существовала в кругу «самостийной» украинской интеллигенции еще до начала войны — часть Западной Украины находилась в то время под властью

Австро-Венгрии, почти одну десятую личного состава австро-венгерской армии составляли украинцы². После войны идея союза наконец реализовалась — иностранная армия численностью в несколько сотен тысяч хорошо экипированных солдат отправилась защищать Украину от красных. Весной 1918 года в Киеве часто можно было услышать такую частушку:

От Киева до Берлина
Щэ нэ вмэрла Украина,
Гайдамакы щэ нэ здальсь.
Дойчланд, дойчланд, юбер алес!³

Однако плата за эту защиту оказалась чересчур высокой. Понимая, что демократы из УНР не способны организовать бесперебойные поставки продовольствия, немцы устроили на Украине государственный переворот. С точки зрения немецкого командования, Украине для выполнения обязательств по договору больше подходила военная диктатура, выбор новых властителей Киева пал на царского генерала Павла Скоропадского.

Власть гетмана больше всего ударила по крестьянам: по новым законам они должны были вернуть помещикам земли, компенсировать им ущерб, а также под угрозой смерти отдавать немецкой армии большую часть своего урожая. Цены на продукты подскочили. Булгаков отмечает это резкое подорожание в разговоре председателя домового комитета Василисы с крестьянкой Явдохой, у которой он хочет купить бидон молока:

Республики был командующим войсками. Весной 1918 года Скоропадский, поддержанный немецкой армией, возглавил переворот в УНР и стал гетманом всея Украины. В декабре под натиском петлюровцев подписал манифест об отречении и бежал в Германию, где провел оставшиеся годы. Погиб во время бомбардировки союзников.

— Что ты, Явдоха? — воскликнул жалобно Василиса, — побойся Бога. Позавчера сорок, вчера сорок пять, сегодня пятьдесят. Ведь этак невозможно.

— Що ж я зроблю? Усе дорого, — ответила сирена, — кажут на базаре, будэ и сто.

В то время как Турбины и их окружение видят в немцах защитников порядка, рассказчик не раз обращает внимание на насилие немцев по отношению к крестьянам, а также на равнодушие городских обывателей к трагедии, разворачивающейся в деревнях:

...Когда доходили смутные вести из таинственных областей, которые носят название — деревня, о том, что немцы

грабят мужиков и безжалостно карают их, расстреливая из пулеметов, не только ни одного голоса возмущения не раздавалось в защиту украинских мужиков, но не раз, под шелковыми абажурами в гостиных, скалились по-волчьи зубы и слышно было бормотание:

— Так им и надо! Так и надо; мало еще! Я бы их еще не так. Вот будут они помнить революцию. Выучат их немцы — своих не хотели, попробуют чужих!

Из-за продуктовой реквизиции в Украине развернулась настоящая крестьянская война. О ее масштабах говорит хотя бы тот факт, что крестьяне, толком не владевшие оружием, за время оккупации убили более 19 000 немецких солдат, иностранной армии пришлось просить у Берлина

Немецкие войска в Киеве. Март 1918 года

еще десять дивизий в дополнение к имевшимся двадцати⁴. После поражения Германии в Первой мировой войне и последовавшего за ним свержения кайзеровского режима немцам пришлось отступить с Украины. Лишившись немецких штыков, гетман Скоропадский остался один на один с армией разгневанных крестьян, которую возглавил политический противник гетмана Симон Петлюра под эгидой Директории*¹. В последний момент Скоропадский призвал на защиту Киева белогвардейцев, но силы города и деревни были заведомо неравны (у Булгакова: «Кто запретил формирование русской армии? Гетман. А теперь, когда ухватило kota поперек живота, так начали формировать русскую армию? В двух шагах враг, а они дружины, штабы?»). В конечном счете немецкая армия не только не спасает мир Турбиных, но даже ускоряет его гибель.

ПОЧЕМУ В КНИГЕ ПРО БОИ С ПЕТЛЮРОЙ НИ РАЗУ НЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ САМ ПЕТЛЮРА?

Нашествие армии Петлюры на Город — центральное событие в «Белой гвардии», имя Петлюры («Пэтурры» на немецкий манер) упоминается в тексте около 150 раз. Однако Булгаков нигде не описывает предводителя крестьянской армии,

за исключением разве что одной нарочито таинственной фразы: «Далеко еще, верст сто пятьдесят, а может быть, и двести, от Города, на путях, освещенных белым светом, — салон-вагон. В вагоне, как зерно в стручке, болтался бритый человек...» Булгаков будто использует популярный кинематографический прием — страх у зрителя вызывает не то, что ему показывают, а то, чего ему не показывают. Благодаря отсутствию каких-либо конкретных характеристик Петлюра становится олицетворением той могучей силы, которую он возглавляет (в романе его называют «бандитом», «мужланом с его оравой», «авантюристом»), а эпиграф из «Капитанской дочки» делает булгаковского Петлюру еще и прямым продолжателем дела Емельяна Пугачева.

Любопытно, что в отличие от булгаковского персонажа реально существовавший Симон Петлюра был максимально далек от образа буйного атамана. До того как заняться политикой, он работал бухгалтером чайной фирмы в Петербурге, затем журналистом в Москве, был масоном, во время Первой мировой служил земгусаром*². Политическая репутация Петлюры тоже была солидной: военный министр УНР, главный защитник Киева от большевиков, последовательный противник немецкой оккупации, сиделец, пострадавший от гетмановской диктатуры. В «Белой гвардии» Петлюра кажется

*¹ Правительство Украины с 14 декабря 1918 года (после свержения гетмана Скоропадского) по 10 ноября 1920 года. Его председателем был сначала Владимир Винниченко, затем — Симон Петлюра. Директории в борьбе за власть пришлось противодействовать и большевикам, и Добровольческой армии. В 1920 году Директория заключила союз с поляками, но в итоге на Украине все равно утвердилась советская власть. Петлюра бежал в Польшу, а оттуда во Францию.

*² Служащий комитета, который организует снабжение армии военным и медицинским имуществом, снаряжением и продовольствием.

непримиримым русофобом, в то время как еще за год до описанных в романе событий он пытался организовать русских офицеров на защиту Киева (он утверждал, что «имеет только двух врагов — немцев и большевиков и только одного друга — Россию»⁵).

Симон Петлюра оказался на редкость удобной фигурой для пропагандистов из различных лагерей, особенно охотно его образ использовали большевики: историк Виктор Савченко пишет, что Петлюра «становится едва ли не главным “демоном” в советской историко-пропагандистской “демонологии” почти на семьдесят лет, его ставят в один ряд с “бандитом” батькой Махно, “кровавым генералом” Деникиным, “иудушкой” Троцким... <...> Даже в бытовой речи иногда да и мелькнет, особенно у наших ветеранов, гневное: “Ух ты, Петлюра!” Ибо Петлюра уже не человек, а не оформленное научно, не осязаемое понятие»⁶. Булгаков в «Белой гвардии» работает именно с этим «неосязаемым понятием», называет Петлюру «безликим», причем в прямом смысле — вместо его портрета в газетах публикуется «первый попавшийся в редакции снимок католического прелата».

В «Белой гвардии» Петлюра сравнивается с Наполеоном («Миф. Миф Петлюра. Его не было вовсе. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем Наполеоне, но гораздо менее красивый»). Тем самым Булгаков намекает не только на памфлет Жана Батиста Переса «Почему Наполеона никогда не существовало», но и на историософскую концепцию Льва Толстого, выраженную в «Воине и мире». Толстой считал, что воля одного человека никак не может быть причиной

масштабных исторических явлений, эти явления происходят стихийно, сами по себе. Булгаков пошел дальше своего учителя: он не только лишил историческую фигуру величественного ореола вершителя судеб, но и вовсе устранил ее из романа. Особенно гротескно это выглядит в сцене парада на Софийской площади, посвященного взятию Города Петлюрой, где толпа все силится разглядеть своего героя, но никак не может («— Де ж сам Петлюра? <...> Ой, хочу побачить Петлюру. Кажуть, вин красавец неописуемый»). Петлюра не появляется в «Белой гвардии», потому что в ней он не человек, а всего лишь ярлык народной стихии, просто слово, которое загипно-тизированно произносят герои: «“Пэтурра, Пэтурра”, — слабенько повторил Турбин и усмехнулся, сам не зная чему».

ПЕТЛЮРОВЦЫ И ПРАВДА НЕНАВИДЕЛИ ЕВРЕЕВ И УСТРАИВАЛИ ПОГРОМЫ?

В «Белой гвардии» есть два описания убийства евреев: захватившие Город гайдамаки убивают встреченного на пути подрядчика, которому пришлось выбежать из дома за повивальной бабкой для своей рожавшей жены, еще одного еврея петлюровцы убивают при отступлении из Города. Во время парада на Софийской площади возбужденная толпа обсуждает еврейские погромы: «Тут бы сейчас на базар, да по жидовским лавкам ударить. Самый раз...», «Женщин не тронут. — Жидов тронут, это верно...».

Во время Гражданской войны на Украине произошло больше полутора тысяч погромов, по разным оценкам, за несколько лет

было убито от 50 000 до 200 000 евреев. Почти половина погромов приписывается петлюровцам. По официальной версии, именно месть за погромы стала причиной убийства самого Симона Петлюры — 25 мая 1926 года в Париже его застрелил из пистолета Самуил Шварцбург, назвавший свою жертву «виновником в смерти десятков тысяч евреев». Во время суда адвокат Шварцбурда не столько защищал своего клиента, сколько доказывал виновность Петлюры: в частности, суду было представлено письмо жителей города Проскурова, в котором больше тысячи человек утверждали, что Петлюра был организатором Проскуровской резни*¹. Суд присяжных был настолько впечатлен бесчеловечностью убитого, что оправдал убийцу и отпустил его на свободу, — процесс над Шварцбурдом стал легендарным, встав в один ряд с «делом Дрейфуса»*² и «делом Бейлиса»*³.

Как видно из исторических документов, сам Симон Петлюра неоднократно выступал в защиту евреев: воззвания, направленные против погромов, он выпускал в ноябре

1917 года, находясь на посту военного министра УНР, и в январе 1919 года, когда Киев захватила Директория. Петлюра создал особую следственную комиссию для расследования погромов, в августе 1919 года он официально обратился к армии: «Командиры и воины Украинской армии! Рабочие массы украинских евреев видят в вас своих освободителей, и будущие поколения никогда не забудут ваших усилий... Опасайтесь провокаторов и тех, кто хочет погромов и стремится уговорить наиболее слабых в своих убеждениях. <...> Смертная казнь ждет участников погромов, как и подстрекателей к ним. Я требую от вас суровой дисциплины, чтобы даже волос не упал с невинной головы...»⁷

Однако к тому времени Петлюра уже не был в состоянии контролировать свое войско и тем более вольных атаманов, с которыми заключал союзы, — к февралю 1919 года его приказам подчинялись лишь около 20% от той армии, с которой он брал Киев. Вчерашние отважные повстанцы оказались обычными бандитами

*¹ Проскуровская резня, Проскуровский погром — еврейский погром в Проскурове (ныне Хмельницкий, Украина). Произошел 15 февраля 1919 года, после того как гайдамаки командира казачьей Запорожской бригады Ивана Семесенко подавили большевистское восстание в городе и обвинили евреев в сочувствии большевикам. Погибло, по разным оценкам, от 1200 до 1700 евреев.

*² Судебный процесс над французским офицером Альфредом Дрейфусом, евреем по национальности. В 1894 году Дрейфуса обвинили в шпионаже в пользу Германии и, несмотря на отсутствие серьезных доказательств, осудили на пожизненную каторгу. Приговор вызвал яростные общественные дебаты, разделив Францию и всю Европу на сторонников и противников Дрейфуса. Эмиль Золя опубликовал открытое письмо французскому президенту под заголовком «Я обвиняю!», в котором утверждал, что офицер пострадал из-за антисемитизма. В 1906 году Дрейфуса признали невиновным.

*³ «Дело Бейлиса» — громкий судебный процесс, состоявшийся осенью 1913 года в Киеве. Менахем Мендель Бейлис — еврей, служивший приказчиком на заводе, недалеко от места, где был обнаружен труп двенадцатилетнего Андрея Ющинского. По инициативе черносотенцев Бейлиса обвинили в ритуальном убийстве мальчика. Обвинение поддержали крайне правые политики, в том числе министр юстиции Иван Щегловитов, а несогласных следователей отстранили от дела. Реакцией на антисемитскую кампанию стали общественные протесты по всему миру. Бейлис провел в тюрьме два года, но в итоге был оправдан. Убийцу мальчика так и не нашли.

и принялись безнаказанно разбойничать и убивать. В «Белой гвардии» есть показательный эпизод ограбления дома Василисы — воры прикидываются представителями новой власти и забирают имущество под фальшивую расписку («— Как же писать? — спросил Василиса слабым, хрипловатым голосом. Волк задумался, поморгал глазами. — Пыштить... по предписанию штаба сичевого куреня... вещи... вещи... в размере... у целости сдал...»). Историк Ричард Пайпс писал, что к 1919 году разные районы страны «жили собственной жизнью, в которой реальную власть имел тот, кто опирался на винтовку... По всей Украине возникали банды крестьянских партизан, которые нападали на села и местечки, грабили и убивали еврейское население...».

Как и историки, Булгаков связывает погромы не столько с конкретной политической силой, сколько с уродливым выражением народной злости, «корявого мужичонкова гнева». Этот гнев «бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалывшейся голове и выл. В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки. Затем показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей».

ПОЧЕМУ БУЛГАКОВ ТАК ИРОНИЧНО ОТЗЫВАЕТСЯ ОБ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ?

Пожалуй, из всех булгаковских героев с наибольшим скепсисом относится к украинскому языку Алексей Турбин. Он, например, с насмешкой рассказывает историю

о «коте» и «ките»: «Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий... Так вот спрашиваю: как по-украински “кот”? Он отвечает “кит”. Спрашиваю: “А как кит?” А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется». В ранней редакции окончания романа он сухо и категорично замечает брату Николке: «Я тебя покорнейше прошу не говорить на этом языке». Позиция Алексея Турбина в определенной степени отвечала взглядам самого писателя. В очерке «Киев-город» Булгаков, к примеру, так проходит по украинизированным городским вывескам: «Мне кажется, что из четырех слов — “молошна”, “молчна”, “молочарня” и “молошная” — самым подходящим будет пятое — молочная». С возмущенной реакцией украинцев Булгаков столкнулся еще при жизни — в 1929 году делегация украинских писателей на встрече со Сталиным выступила против пьесы «Дни Турбиных», обвинив ее автора в шовинизме и украинофобии.

Скептическое отношение Булгакова к языку страны, в которой он родился и жил, отчасти можно объяснить историческим контекстом. Ученый Владимир Вернадский (в 1918 году он стал первым президентом Украинской академии наук) в статье «Украинский вопрос и русское общество» писал, что на протяжении XVII и XVIII веков русско-украинские отношения сводились «к постепенному поглощению и перевариванию Россией Украины как инородного политического тела». К XIX веку все следы автономности были стерты, однако национальное

сознание не исчезло, народная культура сохранилась в деревнях, она привлекала внимание историков и фольклористов. Украинская интеллигенция составляла словари, записывала народные песни. Именно с культурой центральная власть и вела беспощадную цензурную войну, которая доходила «до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии». Примечательно, что тот же самый Симон Петлюра, прежде чем заняться политикой, возглавлял в Москве русскоязычный журнал «Украинская жизнь»: из-за гонений на украинскую печать это издание, по сути, было единственным печатным органом для всех украинцев — второй по численности нации (!) Российской империи. Дискриминация украинского языка привела к тому, что крупные города Украины,

включая Киев, к началу XX века были преимущественно русскоязычными, украинский язык на улицах и в семьях был скорее исключением из правил⁸.

Мариэтта Чудакова, описывая межнациональные отношения в Киеве времен булгаковской молодости, приводит красноречивое изречение политика Василия Шульгина о крестьянах, живших в это время рядом с Киевом: «По национальному признаку они были русские или, как тогда называли, малороссияне, по нынешней терминологии, украинцы». Для Шульгина имело значение лишь общее прошлое Украины — Киевская Русь, а более поздние процессы национального формирования им в расчет не принимались. Такая избирательность, по замечанию Чудаковой, была нередкой в предреволюционные годы в среде киевской интеллигенции, отчасти

Карикатура из одесского юмористического еженедельника журнала «Буржуй». №7, май 1918 года. Политический барометр. Выражения лица одессита, когда победили большевики, удрали большевики, пришли немцы, объявился гетман

она отразилась и на Булгакове. При этом даже в семье писателя эта позиция принималась не всеми, а разница во взглядах не создавала особенных конфликтов. Сестра писателя Надежда Земская, показывая Чудаковой семейные фотографии, комментировала одну из них так: «А это М. Ф. Книпович, мой тогдашний жених. Он был ширый украинец, как тогда говорили, то есть настроенный очень определенно; я тоже была за то, что Украина имеет право на свой язык. Михаил был против украинизации, но, конечно, принимал Книповича как друга дома...»⁹

В «Белой гвардии» украинский язык звучит в основном в связи с наступающими на Город силами Петлюры. На украинский переходят герои, пытающиеся уцелеть при столкновении с ними, — так делает, к примеру, Василиса в эпизоде ограбления («Я, собственно, мирный житель... не знаю, почему же ко мне? У меня — ничего, — Василиса мучительно хотел сказать по-украински и сказал, — нема») или еврей Фельдман перед смертью («Я, панове, мирный житель. Жинка родит. Мне до бабки треба»). Герои, желающие устроиться при гетманской власти, тоже обнаруживают прагматичный интерес к украинскому языку, как вышеупомянутый доктор Курицкий или Тальберг, которого Николка застаёт с книжкой «Игнатий Перпилло — Украинская грамматика». Однако Турбины и их окружение воспринимают Город прежде всего как «мать городов русских»: в годы Гражданской войны Киев буквально приютил жителей Петрограда и Москвы, бегущих от большевистской власти. Русский язык, по сути, становится здесь частью того старого, привычного мира, который теряют герои. Восприятие Города как

последнего оплота империи неизбежно разбивается в тексте о простую реплику человека из толпы на Софийской площади: «Це вам не Россия, добродію».

ПОЧЕМУ В «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» СТОЛЬКО СНОВ?

Весь роман будто окутан сонным туманом. Он и завершается чередой сновидений: Алексею Турбину снится, что он опять пытается убежать от петлюровцев и на этот раз гибнет, Елене — обольститель Шервинский, представляющийся демоном, и будто бы уже убитый Николка, Василисе — что он купил огород и завел поросят, у которых потом вырастают страшные клыки; читающему Апокалипсис Ивану Русакову видится «синяя, бездонная мгла веков, коридор тысячелетий», а соседскому ребенку Петьке Щеглову — сверкающий алмазный шар на лугу (отсылка к хрустальному глобусу, который снится Пьеру Безухову в «Войне и мире»).

Любопытно, что работа над романом началась, если верить художественным свидетельствам Булгакова, именно со снов. В повести «Тайному другу» он пишет: «Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз. И страшного человека в оспе, мои сны». А затем и в «Записках покойника»: «Он зародился однажды ночью, когда я проснулся после грустного сна. Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне прошла передо мною беззвучная вьюга, а затем появился старенький рояль и возле него люди, которых нет

уже на свете. Во сне меня поразило мое одиночество, мне стало жаль себя. И проснулся я в слезах». В произведениях Булгакова тема сновидений вообще возникает очень часто — вспомнить хотя бы пьесу «Бег», буквально состоящую из восьми снов.

В «Белой гвардии» особенную роль играет сон Алексея Турбина в первой части — ему снятся обитатели рая: еще живой в реальности романа полковник Най-Турс и уже погибший в Первой мировой войне вахмистр Жилин. Жилин пересказывает Турбину, как по разрешению апостола Петра они въехали в рай всем вторым эскадронном белградских гусар, с конями и «приставшими» по дороге бабами (кстати, у этого эпизода есть литературный прообраз в виде сатирической поэмы Демьяна Бедного*¹ «Повесть о том, как 14-я дивизия в рай шла», где сохранившая непорочность старушка никак не может попасть в рай, а обозный повар предлагает ей прикинуться «полковой потаскухой»). Турбин из рассказов Жилина узнаёт, что в раю уготовано место даже для большевиков-атеистов, отдельные корпуса с красными звездами и красными облаками дожидаются «большевиков с Перекопу». В реальности Перекопско-Чонгарская наступательная операция Красной армии на армию генерала Врангеля, которая приведет к взятию большевиками Крыма и окончанию Гражданской войны, произойдет только в 1920 году. Получается, Турбин видит

вещий сон. Пророческий характер носит и сон Карая: ему является «покойный комendant» со словами «Крепость Иван-город» (этот город в мае 1919 года отойдет Эстонии), а затем «И Ардаган, и Карс» (эти города в 1921 году войдут в состав Турции).

Сны в «Белой гвардии» — средство общения с потусторонним миром, царством мертвых. В конце романа тот же вахмистр Жилин приснится эпизодическому персонажу — часовому-красноармейцу, который замерзает на улице. Жилин, земляк красноармейца, во сне будит его и тем самым спасает: «Пост... часовой... замерзнешь...» Кроме того, сны размывают хронологию романа, выводят его героев и события, происходящие с ними, за границы исторического времени. Литературовед Евгений Яблоков считает, что гибнущий булгаковский мир «никогда не погибает “окончательно”»; события в итоге будто возвращаются к исходному состоянию. <...> ...Повествователь все-таки склонен усомниться в реальности событий, как бы намекает, что все произошедшее (им же самим рассказанное!) было не более чем страшным сновидением». «Белая гвардия» в этом смысле заметно перекликается с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина, которого Булгаков называл своим учителем: «Человеческая жизнь — сновидение, говорят философы-спиритуалисты, и если б они были вполне логичны, то прибавили бы: и история — тоже сновидение».

*¹ Демьян Бедный (настоящее имя — Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) — поэт. Публиковал сатирические стихи в большевистских изданиях. В 1913 году издал первую книгу стихов «Басни». После революции, как любимый поэт Ленина, переехал жить в Кремль. В 1930-х годах Бедный попал в опалу — был исключен из партии и Союза писателей. С началом войны начал сотрудничать с Кукрыниксами для создания агитплакатов, но прежнего расположения власти не вернул.

ЧЕМ ВАЖЕН ДЛЯ БУЛГАКОВА ОБРАЗ ДОМА?

Дом, в котором живут Турбины, описан в «Белой гвардии» с трепетной нежностью: «кремовые шторы», «изразцовая печка», «черные часы», «мебель старого красного бархата, кровать с блестящими шпешечками, потертые ковры, турецкие с чудными завитушками», «бронзовая лампа под абажуром», «лафитные стаканы, яблоки в сверкающих изломах ваз, ломтики лимона, крошки, крошки, чай...».

Для Турбиных Дом — это, разумеется, не только предметы интерьера, но еще и культура, внутри которой они выросли. В Доме стоят «лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовской, Капитанской Дочкой». Проблема только в том, что жизнь, о которой пишется в «шоколадных книгах», для героев никак не начинается и уже, пожалуй, не начнется. Культурные знаки рассыпаются под натиском грубой реальности, показывая свою иллюзорность и нежизнеспособность. Надпись на печке «Леночка, я взял билет на Аиду. Бельэтаж №8, правая сторона» к концу романа уже наполовину смыта — «...Лен... я взял билет на Аид...».

По замечанию Евгения Яблокова, для героев «создававшийся веками “текст” культуры оказывается написан словно на чужом языке», «в изменившихся условиях сохраняются лишь бессодержательные оболочки “прежних смыслов”, и для героев “Белой гвардии” это оборачивается тяжелой драмой»¹⁰. Турбины, оставшиеся

без отца и матери, воспринимают Дом как последнее пристанище, укромную обитель — что-то плохое с ними случается, только когда они выходят за его пределы, — но и иллюзии, что в нем можно будет спрятаться навсегда, никто из них не питает. Дом — идиллический мир с замедленным, если не остановившимся, временем, который противопоставлен быстро сменяющимся, хаотическим событиям окружающей реальности. Застывший миф против живой истории.

Примечательно и само устройство дома на Алексеевском спуске. Турбины живут на втором этаже, в то время как Василиса, владелица дома, вместе с женой Вандой — на первом. Исследователь Мирон Петровский считает, что Булгаков не просто показывает контраст интеллигентского мира Турбиных с мещанским бытом Василисы, но и воссоздает структуру вертепа из украинского народного театра — двухъярусного ящика, в котором происходит кукольное представление: на верхнем ярусе располагаются святые, новорожденный Христос с Девой Марией, а на нижнем — бытовые карикатурные персонажи (цыган, еврей, москаль, дед, баба, поп, казак-запорожец и т. п.). Соответственно, на верхнем этаже Турбин видит вещий сон о рае, а на нижнем происходит, к примеру, комичное ограбление «под расписку». Любопытно, что зимой 1918 года, во время действия романа, в Киеве как раз шел экспериментальный спектакль «Рождественский вертеп» украинского режиссера Лесь Курбаса*¹, где сцена повторяла конструкцию вертепа, а актеры изображали кукол.

*¹ Лесь Курбас (настоящее имя — Александр-Зенон Степанович Курбас; 1887–1937) — актер, режиссер. Обучался в Венском университете. В 1916 году организовал театр в Тернополе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru